

Академия наук СССР
Институт истории СССР

На правах рукописи

Мироненко Сергей Владимирович

Самодержавие и реформы. Политическая
борьба в России в начале XIX в.

07.00.02 - история СССР

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва - 1991

Работа выполнена в Отделе отечественной истории
XIX – нач. XX вв. Института истории СССР АН СССР

Официальные оппоненты – доктор исторических наук,
профессор исторического факультета
Московского государственного
университета Л.Г.ЗАХАРОВА

– доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института истории СССР АН
СССР А.П.КОРЕЛИН

– доктор исторических наук,
профессор исторического факультета
Московского государственного
педагогического университета
Н.В.Минаева

ЛННБ України ім.В.Стефаника

00815804 (Q)

Ученое учреждение – Ленинградское отделение Института
истории СССР АН СССР

Защита состоится "14" января 1992 г. в 11 часов
на заседании Специализированного совета Д 002.33.02 по
истории СССР дооктябрьского периода по защите диссертаций
на соискание ученой степени доктора исторических наук при
Институте истории СССР АН СССР (П7036, Москва, ул. Дм. Улья-
нова, д. 19).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке
Института истории СССР АН СССР.

Автореферат разослан "12" декабря 1991 г.

Ученый секретарь
Специализированного совета
кандидат исторических наук

Т.Н.Джаксон

ЛННБ ім. В. Стефаника
АН УРСР

XIX столетие занимает особое место в истории России. С его началом страна вступила в новый этап развития. Предшествующие века формирования и укрепления самодержавного государства сменяются временем, когда неумолимый ход исторического процесса /"дух времени", как говорили современники/ подверг его суровым испытаниям и сделал неизбежным будущее крушение феодально-крепостнической системы.

Очевидные признаки того, что самодержавие без глубоких изменений вряд ли сможет далее существовать, страна ощутила уже в исходе первой четверти XIX в. Зарождение декабризма, десятилетняя история тайных обществ и, наконец, само восстан. 14 декабря 1825 г. были серьезными симптомами явного неблагополучия в политическом и социально-экономическом строе России. Они свидетельствовали, что это осознается уже передовой частью общества. Но и не только ее. Грандиозные реформаторские замыслы М.М.Сперанского в годы, предшествовавшие Отечественной войне 1812 г., а затем конкретные проекты русской конституции и освобождения крепостных крестьян, созданные по инициативе Александра I Н.Н.Новосильцовым, А.А.Аракчеевым и Д.А.Гурьевым в 1818-1820 гг., доказывали, насколько серьезно было озабочено этими проблемами правительство. Возможно ли в самодержавном государстве более очевидное и убедительное свидетельство, если не кризиса всей системы, то по крайней мере начала этого процесса, чем признание самим самодержцем несоответствия требованиям времени коренных основ социально-политического строя страны - абсолютной монархии и крепостного права?

Поэтому именно с первой четверти XIX в. идет отсчет длительных и мучительных попыток самодержавия приспособиться к меняющимся историческим условиям. Иными словами, именно в это время началось превращение монархии феодальной в монархию буржуазную, так и не получившее полного завершения. Без малого столетие спустя Февральская революция 1917 г. положила конец этому процессу, похоронив монархию как форму политической власти в России. Именно

в начале XIX в. и перед верховной властью и перед обществом впервые во всей реальности встал вопрос о правомерности существования неограниченного самодержавия и крепостного права. И, что особенно важно, встал не как отвлеченная проблема /об этом много рассуждали и раньше/, а как насущная потребность русской жизни 1810-х - 1820-х гг. Возникло и утвердилось /правда, в достаточно узком кругу/ сознание необходимости и неизбежности коренных преобразований.

Однако громко, гласно сказать о кардинальных проблемах, от разрешения которых зависело будущее страны, самодержавие не решалось. Речь Александра I, произнесенная в марте 1818 г. в Варшаве при открытии польского парламента, где он говорил о "спасительности" конституционных порядков и намекал на возможность дарования России конституции, так и осталась единственным публичным признанием необходимости реформирования политической системы самодержавия.

Вокруг этих проблем в русском обществе шла острая политическая борьба. Под ней мы понимаем столкновения вокруг главной проблемы: станет ли Россия на путь глубоких преобразований? Особенностью политической борьбы того времени было то, что она протекала между сторонниками и противниками перемен внутри самого дворянства.

Правда, почти полное отсутствие в реальной жизни открытых дебатов, сколько-нибудь широкой публичной полемики о путях развития страны вплоть до 14 декабря 1825 г. рождало иллюзию отсутствия политической борьбы вообще. Но это было далеко не так. Просто, не имея возможности в условиях жестких самодержавных ограничений проявиться так же отчетливо, как, скажем, в соседних европейских странах, она принимала своеобразные латентные формы, не делавшие ее, впрочем, менее острой.

Сущность политической борьбы в первой четверти XIX в. определялась противостоянием самодержавия и передовой части русского общества. Особого накала оно достигло с

возникновением декабризма. Правительство вырабатывало свое понимание жизненных интересов страны и в соответствии с ним определяло государственную политику. Декабристы противопоставляли правительственному курсу свою программу коренных революционных преобразований. Взаимодействие и столкновение этих двух позиций и составляло живую ткань политической жизни того времени, пусть все еще скрытой от общества.

Однако это противостояние не исчерпывало всех ее сторон. Борьба между противниками и сторонниками реформ одновременно шла и в самой верховной власти, порой принимая острый характер. Заметим, что политические разногласия внутри верховной власти никогда не становились предметом официального обсуждения даже в среде высшей бюрократии. Так, ни в Государственном совете, ни в Комитете министров, ни в ином высшем государственном органе вплоть до конца 1850-х гг. реформа крепостных отношений никогда прямо не обсуждалась, хотя правительство постоянно и настойчиво этим занималось. Никогда открыто не обсуждалась и проблема конституционного ограничения самодержавия. Тем не менее именно вокруг этих стержневых вопросов русской жизни шла острейшая политическая борьба, победу в которой в изучаемый период одержали реакционные силы.

Подобная ситуация серьезно затрудняет для исследователя изучение всех реалий этой борьбы, но в то же время делает этот процесс чрезвычайно увлекательным. Проникновение в тайны политической истории, где порой одно открытое слово, высказанная откровенная мысль стоят десятков и сотен официальных бумаг, проектов, записок, способствует углубленному по существу историческому процессу.

В центре исследования находятся события политической истории России от окончания Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов до восстания декабристов. Само исследование состоит из введения, четырех глав и заключения.

Во введении определены основные задачи исследования, обоснованы его хронологические рамки и дан обзор источников и литературы.

Десятилетие от 1815 до 1825 г. избрано в качестве объекта исследования по двум причинам. Во-первых, первое десятилетие XIX в. изучено гораздо полнее, а, во-вторых, и это самое главное, это было именно то время, когда решался вопрос, станет ли страна на новый путь или самодержавие и крепостничество и далее будут сковывать ее развитие. Возникла реальная альтернатива такого иного пути, и от исхода борьбы политических сил зависело будущее России.

Это весьма своеобразное время в истории нашей страны. В эти годы не было никаких крупных преобразований. Замыслы так и остались замыслами, а проекты - проектами. Видимо, поэтому внимание историков привлекало время, более богатое преобразованиями и выдающимися событиями - вторая половина XIX - начало XX в. Но для истории не менее важны и неосуществленные реформы. Исторические обстоятельства, вызвавшие к жизни буржуазные преобразования 1860-х гг., уходят корнями в александровское время. Именно тогда завязался клубок противоречий, так явно обнаружившийся в конце 1850-х - начале 1860-х гг. Важно поэтому выяснить, как случилось, что разрешение назревших проблем затянулось на столь долгий срок, какие силы способствовали этому и какова была роль верховной власти в этой непростой ситуации. Надо понять, в какой степени сама верховная власть сознавала противоречие между русской действительностью и ходом мирового исторического развития и, если сознавала, то были ли ее намерения преодолеть его глубоко и серьезно.

Изучение этих проблем, особенно взятых в контексте политической борьбы, которая шла вокруг предполагавшихся преобразований, ставит все новые и новые вопросы. Существовала ли в эти годы реальная альтернатива тому пути, по которому пошло историческое развитие России? Или, чными

словачи, была ли неизбежна наступившая в 1820-х гг. реакция? Насколько реальны были в России начала XIX в. введение конституции и освобождение крестьян? Разрешение этих и других вопросов не менее важно для проникновения в ход исторического процесса, чем изучение осуществившихся замыслов и реальных преобразований.

Политическая история России, интенсивно изучавшаяся дореволюционной историографией, в светское время долго оставалась в тени. Новым обращением к ней историческая наука обязана усилиям Н.М.Дружинина, П.А.Зайончковского, А.В.Предтеченского, П.Г.Рындзюнского и других ученых. Его недостаток в исследованиях подобного рода ощущается и сейчас. Это со всей очевидностью проявилось уже в ходе дискуссии 1968-1972 гг., посвященной генезису, социальной природе и эволюции абсолютизма. А сегодня потребность в исследовании особенностей самодержавия в разных фазах его развития, в раскрытии причин устойчивого консерватизма русского политического строя стала, пожалуй, еще острее.

Исследователю, обратившемуся к теме "Самодержавие и реформы", важно прежде всего понять, что конкретно представляло собой самодержавие как политическая система, насколько проявлялись в ней кризисные явления, искала ли верховная власть выход из противоречий, и если искала, то на каких путях. Наконец, была ли она способна осуществить кардинальные реформы - иными словами, имела ли она историческую перспективу? Этим определяется основной комплекс исследуемых проблем.

Первая из них - это состояние государственного организма в изучаемый период: структура, организация, функции государственных учреждений, степень их соответствия потребностям времени и нуждам страны. Важной составной частью этой проблемы является всестороннее изучение того слоя, в руках которого находилась реальная государственная власть, т.е. правящей бюрократии.

Центральной проблемой исследования является отношение верховной власти — самого монарха и всего правящего слоя — к двум основным политическим проблемам времени — освобождению крестьян и ограничению самодержавия конституционными институтами. Была ли позиция Александра I, неоднократно заявлявшего о необходимости уничтожения рабства и в марте 1818 г. даже публично обещавшего со временем "даровать" России конституцию, "заигрыванием о либерализм", как считает большинство советских исследователей, или в ее основе лежали объективные условия и осознание самодержавием серьезности происходящих процессов? Только скрупулезный анализ всех проектов решения крестьянского вопроса, выработанных в этот период в недрах правительства, и всех сложностей, возникших при подготовке проекта русской конституции, может дать ясный ответ на этот вопрос.

Наконец, необходимо рассмотреть поворот к реакции, который произошел в правительственной политике в самом начале 1820-х годов, и попытаться понять его причины. Этот поворот выразился в решительном отказе от гнанных бы то ни было реформ и в одних случаях обернулся неожиданным до тех пор усилением крепостнической реакции, а в других — вялой симуляцией административных реформ. Наиболее ярким проявлением наступления реакции стало доминирующее положение в политической жизни А.А.Аракчеева.

х х х

Перед исследователем, приступающим к изучению подобной широкой и многоаспектной темы, прежде всего встает задача отобрать ту часть сохранившихся материалов, которая обеспечивает решение поставленных вопросов.

Из самих задач исследования вытекает, что его источниками в первую очередь являются материалы официально-документального характера. Необходимо было использовать всю сумму документов, которые, с одной стороны, раскры-

вают реальное состояние самодержавной власти в изучаемое десятилетие, а с другой — позволяют судить о ее отношении к своим основным устоям, которые стали наиболее острыми проблемами современности — крепостному праву и неограниченному самодержавию.

Проще всего обстояло дело с выявлением и использованием источников, освещающих первый вопрос. Документы, определяющие лицо самодержавной власти того времени и дающие представление о ее политических институтах, т.е. соответствующие государственные, историко-юридические акты, давно опубликованы. Они входят в состав "Полного собрания законов Российской империи".

Однако за пределами законодательных актов остается еще огромное поле государственной деятельности, заключавшейся в готовившихся, но не реализованных преобразованиях. В известном смысле эта сторона деятельности верховной власти более важна для понимания сущности происходивших процессов.

По понятным причинам выявление и поиск источников подобного рода чрезвычайно затруднительны. Как правило, готовившиеся преобразования разрабатывались в обстановке глубочайшей секретности, принадлежали к числу наиболее охраняемых государственных тайн. Русские императоры, боясь дать повод к народным выступлениям, прекрасно понимая чрезвычайную опасность жизненно важных для страны проблем (напомним хотя бы широко известные слова шефа III отделения А.Х. Бенкендорфа о том, что "крепостное состояние есть погребовая погреб под государством"/, стремились избежать огласки при обсуждении планов конституционного ограничения самодержавия или проектов освобождения крепостных крестьян. Да и вообще самодержавию было глубоко чуждо гласное обсуждение сколько-нибудь серьезных вопросов. Поэтому документальные следы подобной деятельности и ее практических результатов приходится по крупицам разыскивать в архивах.

В ряду несущественных, но принципиально важных замыслов самодержавия в этот период первое место занимает, несомненно, "Уставная грамота Российской империи" - проект конституции, подготовленный в 1818-1820 гг. в канцелярии Н.Н.Новосильцова в Варшаве. Отказавшись от проведения его в жизнь, самодержавие, казалось, надежно скрыло проект в своих архивах. Однако один из экземпляров "Уставной грамоты" был обнаружен уже во время польского восстания 1830-1831 гг. и тогда же напечатан. Теперь он хранится в ЦГАДА.

Важный материал, который мог бы пролить свет на историю подготовки "Уставной грамоты", находился, без сомнения, и в архиве самого Н.Н.Новосильцова, и в делах его варшавской канцелярии. Однако в ходе восстания эти документы были безвозвратно утрачены. Когда после смерти Новосильцова, бывшего в конце жизни председателем Государственного совета и Комитета министров, встал вопрос о передаче его преемнику важнейших государственных документов, в том числе и писем Александра I, М.А.Корф, которому было поручено это дело, вынужден был констатировать почти полное отсутствие материалов варшавского периода деятельности Новосильцова.

Все же некоторые документы, относящиеся к работе над "Уставной грамотой" и представляющие первостепенный интерес, каким-то образом сохранились. В фонде Государственного архива Российской империи /в настоящее время он хранится в ЦГАДА/ находятся проекты двух манифестов. Первый из них должен был служить уведомлением о введении в действие "Уставной грамоты", второй провозглашал об уничтожении польской конституционной хартии 1815 г., которая становилась ненужной после введения в действие общероссийской конституции. Эти документы - важное доказательство того, что работа над конституционным проектом не была теоретическим упражнением, а носила вполне практический характер.

Существенную группу источников официально-документального происхождения составляют различные проекты государственных преобразований, составленные по прямому поручению верховной власти или привлечшие ее внимание. В их числе проект постепенного освобождения крепостных крестьян, подготовленный в 1818 г. А.А.Аракчеевым, и материалы Секретного комитета 1819—1820 гг., где под руководством министра финансов Д.А.Гурьева составлялся еще один проект крестьянской реформы. Особое внимание здесь привлекает проект Аракчеева, вся преамбула которого посвящена изложению мыслей Александра I о способах решения крестьянского вопроса.

Архива Александра I в том виде, как он сложился к концу его жизни, в настоящее время не существует. Он был разрознен сразу после смерти царя. Понятно, насколько это затрудняет исследование. Очевидна поэтому необходимость его научной реконструкции. Однако это должно составить предмет особой работы. Здесь же укажем лишь, что многие важные проекты, записки, мнения и т.п., хранившиеся в кабинетах Александра I в Зимнем, Каменноостровском и Екатерининском /Царскоевильском/ дворцах, по распоряжению Николая I были переданы в так называемый Ком.тет 6 декабря 1826 г., сформированный после окончания следствия над декабристами для обсуждения самых насущных проблем государственной жизни. Архив этого Комитета поглотил, таким образом, часть архива Александра I.

Выявление позиции самого императора по коренным проблемам российской действительности того времени было одной из первейших задач исследования. Ясно, что при почти полном отсутствии архива Александра I эта задача оказалась одной из наиболее сложных. Гласные заявления Александра, касающиеся принципиальных вопросов, были крайне редки. Среди них, конечно, первое место занимает речь, произнесенная им в Варшаве в марте 1818 г. при открытии первого польского сейма. Речь эта получила широкое распространение, и текст ее дошел до нас благодаря неизбе-

тому до тех пор в России факту: она была напечатана в русских газетах.

Важным источником, позволяющим приоткрыть завесу тайны над самыми секретными действиями верховной власти, являются, как это ни странно, судебно-следственные материалы процесса декабристов. В ходе следствия, в связи с желанием верховной власти эти, выявилось много такого, что ей хотелось бы скрыть. Примером этого может служить следственное дело С.М.Кочубея, бывшего в 1810-х годах полтавским губернским предводителем дворянства.

Арестованный по подозрению в участии в Малороссийском тайном обществе, Кочубей в феврале 1826 г. был допрошен в заседании Следственного комитета. Благодаря его откровенным показаниям выяснился факт, имеющий принципиальное значение для понимания позиции верховной власти в крестьянском вопросе в 1817 г. Оказалось, что Александр I предпринимал тогда активные попытки сдвинуть решение крестьянского вопроса с мертвой точки, и, в частности, поручил Кочубею подготовить проект освобождения крепостных крестьян. Рассказанное Кочубеем в ходе следствия позволило совершенно по-новому оценить все действия Александра I в те годы в Малороссии, пока что, что он через только что назначенного малороссийским военным губернатором ин. Н.Г.Репнина пытался добиться инициативы украинских помещиков в деле освобождения крепостных крестьян.

Специфическую группу источников официально-документального характера составляют дипломатические донесения. В ряде случаев только благодаря им до нас дошли уникальные документы. Так, лишь благодаря активности прусского консула в Варшаве Шмидта, сумевшего добыть и отправить в Берлин копию "Краткого изложения основ конституционной хартии Российской империи", этот документ сохранился и доступен для изучения. В конце XIX в. немецкие историки Шиман и Штерн опубликовали донесения прусского и австрийского посланников при русском дворе, проливающие свет на принципиально важные этапы работы над проектом российской

конституции.

И, наконец, необходимо остановиться на особом виде официально-документальных источников — формулярных списках. Содержащиеся в них сведения /социальное происхождение, имущественное положение, возраст, образование, чин, должность, прохождение служб, придворное звание и т.п./ открывают возможность для создания социального портрета правящей бюрократии России исследуемого времени. Для этого данные формулярных списков были введены в память компьютера, на их основе создан банк данных, содержание которого обрабатывалось при помощи различных программ /результаты этого исследования представлены в первой главе/.

Нет необходимости доказывать, что, опираясь лишь на источники официально-документального характера, невозможно воссоздать подлинную картину событий, выявить обстоятельства, вызвавшие появление тех или иных официальных документов. Зачастую лишь благодаря источникам личного происхождения историк может верно и глубоко интерпретировать события. Поэтому не менее важную составную часть источниковой базы настоящего исследования образуют воспоминания, дневники, письма и другие материалы непосредственных участников событий.

Среди них на первое место по значению сообщаемых сведений следует поставить материалы П.А.Вяземского. В изучаемое время он оказался в центре работы над проектом российской конституции. Затем он принял участие в одном из крупных начинаний в деле освобождения крепостных крестьян. Вступив в 1817 г. на государственную службу, Вяземский попал в канцелярию Н.Н.Новосильцова в Варшаве, где разрабатывался конституционный проект, получивший наименование "Уставный грамота Российской империи". В 1820 г. во время двухмесячного пребывания в Петербурге Вяземский активно действовал, пытаясь создать общество для гласного обсуждения способов освобождения крепостных крестьян, и был свидетелем неудачных попыток получить на это согласие императора и краха всего замысла, поддержан-

ного сперва такими крупными фигурами как И.В.Васильчиков, М.С.Воронцов, А.С.Меншиков и др. Ценнейшими источниками, освещающими эти события, являются переписка Вяземского за 1815-1820 гг. и его мемуарные произведения.

О работе над "Уставной грамотой" Вяземский рассказывал впервые довольно скоро. В 1829 г., тяжело переживая разлад с правительством, опалу, в которую он попал, Вяземский решил обратиться к Николаю I. Так возникла "Моя исповедь", где он, признавая себя сторонником конституционной монархии, объяснял это в значительной степени влиянием на него Александра I и своим участием в составлении конституции для России. Еще раз к этому предмету Вяземский вернулся почти столетия спустя в "Автобиографическом введении" к собранию своих сочинений, которое начало издаваться в конце 1870-х годов. Оба эти произведения, по существу, единственные мемуарные источники, проливающие свет на обстоятельства возникновения первого в истории России конституционного проекта, создававшегося по непосредственному заданию верховной власти.

Характерное для Александра I нежелание заявлять письменно о своих позициях резко сужает круг документов, их освещающих. Поэтому особенно ценны мемуары людей, которые тесно общались с ним на протяжении длительного времени. Среди них нужно в первую очередь назвать записки флигель-адъютанта Александра I, полковника, а впоследствии генерала и известного военного историка А.И.Михайловского-Данилевского. Он долгое время был постоянным спутником императора в его многочисленных путешествиях и имел возможность близко узнать того, кого П.А.Вяземский назвал "сфинксом, не разгаданным до гроба".

Судя по запискам Михайловского-Данилевского, и ему не удалось проникнуть во внутренний мир императора. Александр I никогда не делился с ним своими сокровенными мыслями, не обсуждал никаких проектов, но все же постоянное общение с царем позволило ему сохранить для истории необыкновенно существенные высказывания его державного со-

беседы, сделать яркие зарисовки отдельных исторических событий.

Записки А.И. Михайловского-Данилевского до сих пор, к сожалению, опубликованы не полностью. Однако благодаря Н.К. Шильдеру, использовавшему его неопубликованные путевые журналы в биографии Александра I, они введены в широкий научный оборот. Обращение к неопубликованным дневникам Михайловского-Данилевского, записавшего в конце 1820-х гг. содержательные воспоминания И.И. Дибича, позволило яснее понять цель и истинное значение учреждения генерал-губернаторства А.Д. Балашева /см. третью главу/.

Ценный материал для характеристики личности Александра I содержат воспоминания гр. И. Каподистрии, статс-секретаря по иностранным делам в тогдашнем русском правительстве. В мемуарах М. Стинского, крупного литовского помещика, активно участвовавшего в общественно-политической жизни западных окраин России, воспроизведены его беседы с Александром I, содержание которых недвусмысленно свидетельствует о том, что Александр с самого начала рассматривал конституционный опыт в Польше как прелюдию к общероссийской конституции. Интересные данные об отношении Александра I к крепостному праву содержат воспоминания государственного секретаря А.С. Шишкова.

Существенный комплекс привлеченных к данному исследованию мемуарных источников составляют мемуары декабристов, ^{особенно} воспоминания С.П. Трубецкого. Благодаря своему положению в высшем обществе, происхождению, связям Трубецкой располагал обширной и подробной информацией обо всем, что происходило в правительственных сферах. Поэтому так ценны его сообщения с решительным настроением царя в 1818 г., о его твердом убеждении в несомлимости возможности скорого решения крестьянского вопроса. Правдивость мемуаров Трубецкого подтверждается рядом других источников, в том числе записями рассказов сына декабриста И.Д. Якушкина, Е.И. Якушкина, сделанными в конце XIX в. Н.К. Шильдером и до настоящего времени остающимися, к сожалению, неопубликованными.

Мемуарные произведения, авторам которых подчас изменяла память, а иногда мешали собственные пристрастия, существенно дополняют и корректируют документы, лишенные недостатков официальных источников, но по времени своего возникновения совпадающие с ними. Такими документами, возникающими в гуще событий и несущими в себе непосредственное восприятие их, являются дневники и письма.

Из дневников современников, содержащих важный материал по интересующим нас вопросам, отметим прежде всего принадлежащий Н.И.Тургеневу. Склонный к самоанализу, весьма осведомленный, ненавидевший крепостное право, Н.И.Тургенев заносил в дневник все хоть сколько-нибудь важные сведения о политике правительства в крестьянском вопросе.

В иные сферы и в иные проблемы вводят нас воспоминания жены будущего императора Николая I — Александры Федоровны /они основаны на ее дневниковых записях/. Не сохранились они, историки ничего бы не знали о том, что уже в 1819 г. Александр сообщил своему брату Николаю о перспективе получения им престола, минуя наследника Константина Павловича.

Не менее чем дневники, важна и необходима для нашего исследования переписка современников, сохранившаяся в значительном объеме. Именно письма позволили осветить целый ряд вопросов, до сих пор оставшихся неясными. Например, сохранившиеся в архиве с.е.и.в. канцелярии подлинники писем, полученных В.Н.Каразиным от М.С.Воронцова и А.С.Меншикова, неопровержимо доказывают причастность Каразина к организации упоминавшегося выше общества помещиков для изыскания способов освобождения крепостных крестьян и реальную роль его в этом деле.

Переписка П.А.Вяземского с А.И.Тургеневым служит ценнейшим дополнением к его воспоминаниям, и комплексное их использование позволило довольно подробно изложить ход подготовки "Уставной грамоты" и придти к важному выводу, что работа над ней началась не сразу после выступления

Александра I при открытии польского сейма в 1818 г., а позже, не ранее начала 1819 г.

ж ж ж

Число исследований, так или иначе затрагивающих события русской истории от завершения войн с Наполеоном до восстания декабристов, велико. В дореволюционное время эпоха Александра I и личность самого императора привлекали внимание историков самых различных направлений. Многотомные труды об Александре I и его времени принадлежат перу известных историков генералов М.И.Богдановича и Н.К.Шильдера, считавшихся официальными историографами и вследствие этого имевших доступ ко многим секретным в то время архивам. Эти сочинения не потеряли своего значения и по сей день — настолько богат и разнообразен использованный их авторами материал, а концепция Н.К.Шильдера, условно разделившего царствование Александра I на два периода — реформаторский и реакционный, получила широкое распространение и в советской историографии. Эта концепция, по нашему мнению, не верна, что мы постарались обосновать в ходе исследования.

Более значительными в историографическом плане являются биографические исследования вел.кн. Николая Михайловича, попытавшегося создать психологический портрет Александра I и введшего в научный оборот большое количество малозвестных, а подчас и вовсе не известных источников, и А.Е.Преснякова, объединившего в небольшой по объему книге биографию императора с общим очерком истории его времени. Среди крупнейших русских историков второй половины XIX — начала XX в. не найдешь, пожалуй, ни одного, кто бы не писал об этом времени. В.О.Ключевский и Н.С.Дубровин, А.А.Казеветтер и А.А.Корнилов каждый по своему, но всегда интересно и оригинально оценивали личность Александра I, результаты его государственной деятельности.

Существенное место в историографии изучаемых нами проблем сохраняет известное исследование В.А.Семевского "Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века". К богатому фактическому и документальному материалу, сосредоточенному в исследовании Семевского, и сейчас постоянно обращаются историки. Однако вне поля зрения ученого остались социально-экономические процессы эпохи. Он и не пытался вскрыть, отчего именно в это время возникали рассматриваемые им проекты преобразований крепостного права. Поэтому исследование крестьянского вопроса в работе Семевского в определенной степени подменялось описанием фактов.

Серьезным явлением в историографии вопроса стали работы известного русского историка Г.В.Вернадского. Его монография "Государственная уставная грамота Российской империи 1820 г." до сих пор остается наиболее серьезным историко-юридическим исследованием проекта первой российской конституции.

Из общих работ по кардинальным проблемам истории России первой половины XIX в., появившихся в советское время, необходимо назвать в первую очередь работу Н.М.Дружинина "Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева". Н.М.Дружинин, занимавшийся судьбами государственной деревни, тем не менее дал в своей монографии глубокий анализ всего социально-экономического положения России в первой половине XIX в. Особый интерес для нашей темы представляют в его книге основанные на обширном, зачастую архивном материале характеристики ведущих государственных деятелей эпохи, анализ их политической и социальной программы.

Единственным в советской историографии исследованием, в котором автор, хотя и в несколько ином аспекте, освещает многие проблемы, ставшие предметом данного исследования, является книга А.В.Предтеченского "Очерки общественно-политической истории России в первой четверти

ХІХ в.". По словам самого автора, "книга рассматривает преимущественно вопросы внутренней политики русского правительства в конце ХУІІІ и первой четверти ХІХ в., т.е. вопросы истории русского феодально-крепостнического государства". А.В.Предтеченский обобщил значительный фактический материал и впервые в едином исследовании представил внутреннюю политику правительства и развитие общественно-политической мысли в это время. Это позволило ему дать общую и довольно широкую картину общественно-политической истории этого сложного периода. Понятно, что в книге нашли свое место и те действия самодержавия в 1816-1825 гг., которые связаны были с поисками выхода из назревшего кризиса системы. Им посвящены преимущественно две последние главы книги. Существенным недостатком этой части исследования является, на наш взгляд, стремление А.В.Предтеченского объяснить каждое из рассматриваемых явлений в духе традиционной концепции: то преуменьшая их прогрессивный характер /так, "Уставную грамоту" 1820 г. он не признавал проектом конституции/, то сводя объективное значение происходивших процессов к неустойчивости характера Александра I, его "лицемерию" и т.п. /так, все связанное с подготовкой конституции для России, и заявлениями царя с намерением ввести представительное правление, он считал "минутным отклонением в настроении Александра/. Таким образом, все попытки самодержавия найти выход из нарастающих противоречий выводились автором за рамки закономерных объективных процессов и рассматривались как исторические случайности.

Даже этот по необходимости беглый историографический очерк показывает, как достойно привлекала внимание историков первая четверть ХІХ в. - время, знаменовавшееся крупнейшими событиями в политической истории России. Очевидно, тем не менее, что многие из происходивших в это время процессов либо вовсе не рассматривались в историографии, либо освещены явно недостаточно, что и побудило

автора настоящего исследования попытаться разрешить некоторые из этих проблем.

ж ж ж

Основная часть исследования состоит из четырёх глав. В первой главе "Самодержавная власть: структура, организация, исполнители" содержится характеристика политической системы русского государства первой половины XIX в., дан социальный портрет высшей бюрократии этого времени.

Россия вступила в XIX в. не только с сохранившимся в неприкосновенности самодержавным строем, но и с такой организацией власти, которая уже не отвечала требованиям времени. Проведенная в 1802 г. министерская реформа, когда коллегии были заменены министерствами, оказалась неудачной. Однако это не обескуражило верховную власть, а лишь подтвердило необходимость преобразований. На политическую арену выдвинулась в это время фигура М.М.Сперанского, ставшего одним из ближайших советников Александра I. Составленный им при непосредственном участии императора план превращения России в правовое государство /"Введение к Уложению государственных законов"/ предполагал глубокое реформирование политических основ русской жизни. Принципы реформ составляли: ограничение самодержавия представительными учреждениями, разделение властей, предоставление гражданских прав всему населению страны /хотя вопрос о крепостном праве не рассматривался/. "Если бог благословит сии начинания, — писал Сперанский, — то к 1811-му году, к концу десятилетия настоящего царствования, Россия воспримет новое бытие и совершенно во всех частях преобразуется". Однако уже одобренный царем проект реализован не был.

Вместо ограничения самодержавия представительным органом — Государственной думой, вместо переустройства всего государственного порядка на буржуазный лад указом I янва-

ря 13.10 г. был создан называемый императором Государственный совет, которому были присвоены законосовещательные функции. При этом основы самодержавного политического строя оказались непоколебленными.

Буквально первые же годы деятельности Государственного совета показали, что самодержавие не в состоянии следовать даже тому порядку, который оно само санкционировало. Принятая общая идея о введении в России законного правопорядка на практике приходила в противоречие с укоренившимся гораздо глубже традиционным произволом русского абсолютизма. Любой шаг к введению законного порядка вскоре сопровождался нарушением законов самим самодержцем.

Высшим административным органом страны в первой четверти XIX в. был Комитет министров, возникший в 1802 г. Тогда его функции не были точно определены, и М.М. Сперанский справедливо указывал потом, что "сей комитет был ни место, ни особое установление", он был только "образцом доклада".

Комитет министров в своей деятельности зачастую попросту подменял министерства. Так, через него проходили все дела по личному составу правительственных учреждений /назначения, увольнения, награды, пенсионные и др./ . Комитет министров мог отменять решения Сената и в определенной степени контролировал его деятельность /спуда поступали, скажем, материалы всех сенаторских ревизий/. Полная неразбериха, царившая в этом высшем органе, была совершенно очевидна современникам.

Одно из центральных мест в системе высших государственных учреждений занимал Сенат. В те годы это был громоздкий, плохо действующий государственный механизм, тоже лишенный, как и остальные, строго очерченной сферы деятельности. По указу 27 января 1805 г. Сенат делился на девять департаментов. Второй-восьмой департаменты формально были высшими апелляционными инстанциями для гражданских и уголовных дел. На деле же они таковыми не явля-

лись: принятые ими решения не были окончательными. В случае разногласия между членами /а для вынесения решения требовалось не менее двух третей голосов/ дело поступало на рассмотрение общего собрания членов всех департаментов, а затем передавалось на утверждение императора.

Ведущее место занимал в Сенате Первый департамент. С одной стороны, он являлся как бы высшей инстанцией, призванной наблюдать за точным исполнением законов, с другой — был наделен массой административных функций. Прежде всего надо отметить, что Первый департамент ведал обнародованием законов. Однако наиболее важной его задачей было проведение сенаторских ревизий, в ходе которых проверялось, как правило, состояние отдельных учреждений или целых губерний. Сенаторские ревизии были важной составной частью внутренней политики самодержавия. Сенат, таким образом, не только следил за исполнением общих государственных законов, но и всесторонне контролировал деятельность всей государственной машины. Через Первый департамент проходили дела об определении чиновников к должности, о наградах, пожаловании разных прав и преимуществ /возведение в княжеское, графское и баронское достоинство, утверждение в правах дворянства и/. Первый департамент руководил рекрутскими наборами и проводил ревизии крепостных душ, он контролировал деятельность по винным откупам и утверждал контракты военного ведомства, если они превышали 10 тыс. руб. Функции его представляли причудливое смещение административных принципов и далеко выходили за рамки основного предназначения Сената.

Особое положение занимал Межевой департамент. Он соединял в себе функции высшей административной и судебной инстанции по делам межевания. Тем самым он одновременно и управлял одной из важнейших для страны отраслей экономики, и являлся высшим судьей в спорах.

Во главе Сената стоял генерал-прокурор. С учреждением в 1802 г. министерств эту должность стал занимать министр юстиции. Высшее судебное учреждение империи ока-

залось подчиненным одному из министерств и оставалось в таком положении не только всю первую четверть XIX в., но и длительное время впоследствии.

Центральными органами исполнительной власти являлись в первой четверти XIX в. министерства. Организация министерского управления после неудачной реформы 1802 г. была окончательно завершена в 1810-1811 гг. Было создано восемь министерств /иностранных дел, военное, морское, внутренних дел, финансов, полиции, юстиции и народного просвещения/, два главных управления на правах министерств /Главное управление духовных дел иностранных исповеданий и Главное управление почт/ и три отдельные части /Государственное казначейство, Государственный контроль и Главное управление путей сообщения/. Основное преимущество такой организации заключалось в том, что управление больше не было подчинено исключительно фискальным и полицейским интересам, а все крупные отрасли управления были выделены в самостоятельные министерства.

Каждое министерство получило единообразное устройство. Аппарат министерства состоял из нескольких департаментов. Министры назначались императором и фактически были ответственны только перед ним. Хотя специально оговаривалось, что министрам принадлежит только исполнительная власть, но практика внесла в это существенные поправки. Уже в царствование Александра I министры не раз добивались по личным докладом издания новых законов в обход Государственного совета и других органов. В целом реформа 1810-1811 гг. завершила перестройку управления огромной страны на ведомственный лад.

Полнота реальной власти на местах принадлежала в первой четверти XIX в. и губернам. Они, как и подведомственные им губернские учреждения, были непосредственными представителями самодержавной власти в глазах населения Российской империи.

Министерская реформа 1810-1811 гг. поставила губернаторов в двойственное положение. С одной стороны, они

назначались непосредственно императором, ежегодно представляли на "высочайшее имя" отчеты о состоянии дел в губернии и, таким образом, подчинялись непосредственно императору. С другой — являлись чиновниками Министерства внутренних дел и полностью зависели от министра. Губернское же правление — исполнительный орган при губернаторе — осталось подчиненным Сенату. В то же время остальные губернские учреждения были подчинены соответствующим министерствам. Все это приводило к необычным осложнениям.

Подведем итоги. Структура и организация государственной власти в империи в том виде, в каком они существовали в исследуемые годы, несмотря на отдельные реформы накануне Отечественной войны 1812 г., не отвечали потребностям времени и не обеспечивали действенного руководства страной. Смещение функций различных частей государственного аппарата, отсутствие контроля за выполнением правительственных решений, дублирование ответственности правительственных чиновников, очевидный разрыв между издаваемыми законами и их исполнением, прозвол и повсеместная коррупция — вот отличительные черты самодержавной власти этого времени.

Дальновидные проекты Сперанского не получили практического воплощения в жизнь. Ни одна из реформ государственного аппарата, проведенных в этот период, ни в какой степени не задевала основ феодально-абсолютистского строя. Даже ничтожные ограничения прозвела самодержавной власти, которые иные из этих реформ юридически предоставляли высшим государственным органам империи, фактически немедленно попирались самодержцем, отбрасывая реформированные учреждения к прежнему состоянию.

Поэтому основной коллизией политической ситуации первой четверти XIX в. было глубокое противоречие между реальным состоянием самодержавия и его политических институтов и назревавшими требованиями времени, ставшее совершенно очевидным самой верховной власти.

Сущность этого противоречия трудно понять, не представив себе тот социальный слой, который приводил в действие эту государственную машину. В исследовании проведен анализ состава высшей бюрократии в центральных учреждениях и в губерниях. Базой этого анализа стал компьютерный банк данных, включивший данные формулярных списков представителей правящей бюрократии.

К правящей бюрократии нами были отнесены члены Государственного совета, сенаторы, министры, главноуправляющие, директора департаментов, а также чиновники высших и центральных государственных учреждений, имевшие чин не ниже 5-го класса /статский советник/; из губернской администрации к числу правящей бюрократии отнесены губернаторы, вице-губернаторы, председатели палат, губернские прокуроры и губернские предводители дворянства /несмотря на то, что последняя должность была выборной, занявший ее автоматически включался в губернскую администрацию, получая сразу чин статского советника/.

Общая численность правящей бюрократии, подсчитанная на основании указанных критериев, составила на 1825 г. 684 человека. В исследовании дается социальный портрет как всей высшей бюрократии в целом, так и отдельных ее групп, что позволило вскрыть как общие черты исследуемого социального слоя, так и особенности его составных частей.

Начнем с социального происхождения чиновников. Полученные результаты убедительно свидетельствуют, что в интересующее нас время в правящей бюрократии явно преобладало потомственное дворянство /85,1 %/.

При анализе возрастного состава бюрократии прежде всего бросается в глаза средняя высокая молодость людей, управлявших в то время страной. 83,2 % представителей высшей бюрократии были моложе 60 лет. Чиновники же старше 70 лет /2,9 %/ настолько редки, что их можно не принимать во внимание. Основную массу составляли лица, находившиеся в возрасте от 40 до 50 лет /52 %/. Нет сомнения,

что это омоложение правящего слоя явилось непосредственным результатом недавно закончившихся войн с наполеоновской Францией. Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что все возрастные группы представлены в чиновничестве относительно равномерно.

К сожалению, формулярные списки не содержат графы, которая помогала бы установлению национального состава высшей бюрократии. В какой-то степени на этот вопрос проливает свет сведения о вероисповедании. Однако типичный для многих иностранцев, вступавших на русскую службу, переход в православие не позволяет достаточно точно и убедительно представить связь между данными о вероисповедании и национальной принадлежности того или иного лица. Но и при этом очевидно преобладание русских /православных/ в правящей бюрократии /88,9 %/.

Это не подтверждало тезиса о засилии иностранцев среди высших чиновников того времени, что часто утверждали современники. Дело видимо в том, что принимая православие и формально превращаясь в русских, иностранцы все же в глазах общества продолжали оставаться иноземцами.

Сведения об имущественном положении /количество душ муж. пола/ чиновников следующие: почти 40 % вообще не имели крестьян и земли, и еще 15 % указали менее 50 душ в своем владении; помещики, имевшие более 500 душ, составляли менее 20 % высшей бюрократии.

На первый взгляд эти данные противоречат привычным и вполне обоснованным понятиям о правящей бюрократии того времени как о представительной части господствующего класса дворян-землевладельцев. Приходится задаться вопросом, верно ли такое представление?

Вопрос об имущественном положении, едва ли не важнейший для социальной характеристики изучаемой нами бюрократии, может быть правильно разрешен, как оказывается, только при дифференцированном анализе двух резко отличающихся в этом отношении друг от друга групп чиновников.

Первая из них принадлежит к правящей элите — членам

Государственного совета, сенаторам, для которых департаментов в министерствах, генерал-губернаторам, гражданским и военным губернаторам /сведения по примерно трети всех исследуемых формулярных списков/.

Здесь картина резко меняется. почти 35 % этих высших представителей власти — крупные землевладельцы, обладавшие тысячами крепостных крестьян, и лишь 9 % из них владели мелкими имениями с населением до 100 душ. Крупные и средние помещики вместе составляют 60 % этой категории чиновников.

Совершенно иначе выглядят данные об имущественном положении по остальному входящему в рамки нашего исследования чиновничеству — центральному и местному /оставшиеся две трети формулярных списков/.

Хотя речь идет о достаточно крупном чиновничестве, имущественное положение его радикально отличается от рассмотренной прежде верхушки бюрократии. 70 % чиновников здесь или вообще не имеют земельной собственности /44 %/, или принадлежат к мелкопоместному дворянству /26,3 %/ и, более того, в преобладающей части /19 из 26 %/ имеют менее 50 душ. Лишь 13,3 % можно отнести к крупным помещикам, а крупные и средние вместе составляют лишь 28,9 %. Таким образом, для этого самого многочисленного слоя правящей бюрократии служба была основным источником дохода. Именно данные об этом слое, ввиду его относительной многочисленности, столь значительно повлияли на общую картину имущественного положения всей руководящей части государственного аппарата.

Сравнительно однородная по происхождению, возрасту, вероисповеданию и образованию, правящая бюрократия первой четверти XIX в. заметно дифференцировалась по собственности. Именно этот фактор делил ее на высшее звено и остальную подчиненную ему часть управляющего Россией чиновничества. У кормила высшей власти стояли достигшие высших чинов империи крупные помещики, в ведомствах и губерниях эту власть приводил в действие слой средних по рангу чи-

новников, значительная часть которых принадлежала к типичнейшему для России того времени классу средних и мелких помещиков.

Социальный портрет высшей бюрократии убедительно свидетельствует о том, что именно она, которая должна была намечать пути выхода из противоречий, не имела к тому никаких стимулов. Социально однородный слой высших чиновников империи не мог стремиться к радикальной перестройке и, как весь правящий слой, был уверен в достаточной еще прочности существующего порядка. Однако время все настойчивее расшатывало эту уверенность. Уже само появление внутри правящей бюрократии фигуры Сперанского показывало, что глубинные процессы идут выхода наружу. Могло ли самодержавие полностью игнорировать происходившие события и отказаться от мысли о серьезных преобразованиях русской жизни? Искать ответы на эти вопросы было задачей следующих глав.

Вторая глава "Самодержавие и крестьянский вопрос" посвящена изучению неудавшихся попыток власти приступить в рассматриваемое время к решению острейшей социальной проблемы — уничтожению крепостного права.

Победоносное завершение Отечественной войны 1812 г., освобождение народов Европы от наполеоновского ига, завоевание Россией лидирующего положения на мировой арене — словом, все те блестящие достижения, которыми была ознаменована для страны середина 1810-х гг., не могли заложить остроту внутренних противоречий. Страна была разорена войной. Серьезный урон, нанесенный крепостному хозяйству, усугубился почти полным расстройством финансов. Россия переживала тяжелый экономический кризис. И хотя, как показали дальнейшие события, феодальный строй был еще достаточно силён и мог справиться с испытаниями без коренной ломки основ, объективные потребности развития являлись о себе все с большей и большей силой.

Все передовое в стране с надеждой ожидало неминуемых, казалось, перемен. Позиция, занятая императором, да-

валя для этого определенные основания. риступая снова к крестьянскому вопросу после вынужденного войной длительного перерыва, Александр I, как и в первые годы своего царствования, имел не столько программу действий, сколько теоретический прогрессивный взгляд на проблему. Нужно было начинать все заново. Но были и некоторые преимущества: приобретенный императором опыт и исключительная слава освободителя Европы и в своей стране и за рубежом. Пристально вглядываясь в его действия, мы замечаем, что, начиная с 1816 г., он настойчиво пытался добиться дворянской инициативы в решении этого кардинального вопроса русской жизни. Толчком, возбуждившим активность императора, была, без сомнения, инициатива эстляндского дворянства, заявившего в самом начале 1816 г. о своей готовности освободить крепостных крестьян.

Прибалтийские губернии коренным образом отличались от всей остальной России. Здесь не существовало крепостного права в его крайних формах. Уровень развития товарно-денежных отношений был значительно выше, чем в Европейской России. Главное же: помещики уже осознали экономическую невыгодность крепостного права. В предшествовавшее десятилетие самодержавие постепенно предоставляло крестьянам в Прибалтике определенные права. Рядом законодательных актов за эстляндскими крестьянами было закреплено право на движимую собственность и передачу хозяйства по наследству, а по закону 1804 г. были четко определены повинности крестьян в зависимости от количества и качества земли. Теперь же, 23 мая 1816 г., формально было уничтожено и само крепостное право.

При всех очевидных издержках этот шаг открывал собой принципиально новый этап в истории крестьянского вопроса в России. Уложение 1816 г. было первым за несколько столетий русской истории актом, которым самодержавие не углубляло или расширяло крепостное право, а, напротив, уничтожало его действие хотя бы на части территории Российской империи. Самодержавие публично продемонстрировало свою

готовность при определенных условиях пойти на конкретные меры для освобождения крепостных крестьян.

Однако в русских губерниях никаких практических результатов добиться не удалось. Неудачей закончилась и предпринятая в 1817 г. попытка склонить дворянство двух украинских губерний /Полтавской и Черниговской/ к выступлению с просьбой хотя бы обсудить проблему крепостного права.

Но все это не охладило стремления Александра I добиться решения крестьянского вопроса. В 1817-1818 гг. начинается работа над общим планом ликвидации крепостного права в России. О серьезности и фундаментальности намерений Александра I убедительно свидетельствует тот факт, что одним из исполнителей своего замысла он избрал А.А.Аракчеева. Ситуация, когда подготовка прогрессивного акта вверяется деятелю, имя которого для современников и для потомства являлось символом реакции, поистине парадоксальна. Но именно она ясно и недвусмысленно доказывает, что стремление Александра I приступить к ликвидации крепостного права было не "заигрыванием с либерализмом", не желанием прослыть в Европе пресвященным монархом, а вполне обдуманной и целенаправленной государственной политикой. Ведь известно, что именно Аракчеву Александр I доверял разрабатывать и осуществлять свои самые сокровенные замыслы.

В это время Александр I был полностью в плену иллюзий, что освободить крестьян можно без всякого насилия над помещиками — стоит только предложить им выгодные условия. Он так и не смог до конца понять истинных причин, которые заставляли прибалтийское дворянство добиваться освобождения крестьян, а их российских собратьев толкали к пассивному, но не колебимому сопротивлению любым эмансипационным шагам правительства; причин, обусловленных разным уровнем социально-экономического и культурного развития собственно русских губерний и Прибалтики. Поэтому в рекомендациях, данных Аракчеву перед началом работы,

Александр I настаивал на недопустимости какого бы то ни было принуждения помещиков со стороны государства. Это было его единственным условием - все остальное отдавалось полностью на волю автора.

Проект освобождения крестьян готовился в величайшей тайне. Как долго шла над ним работа - неизвестно, но в феврале 1818 г., незадолго до отъезда Александра I в Варшаву на открытие первого конституционного сейма, проект лежал на столе императора. Оказывается, попытка выработать общие принципы крестьянской реформы непосредственно предшествовала началу работы над конституцией.

Как же думал решать проблему Аракчеев? Он предлагал начать широкую покупку помещичьих имений в казну "по добровольному на то помещиков согласию" и на некоторых "особенных правилах". Продавать государству крестьян и дворовых, как казалось Аракчееву, помещиков должно было заставить естественное стремление избавиться от долгов и вести хозяйство на рациональной основе - либо обрабатывая наемными рабочими оставшиеся у них после продажи крестьян участки земли, либо сдавая ее в аренду крестьянам.

Насколько реален был этот проект? Приходится признать, что однозначного ответа на этот вопрос нет. Проект был реален, потому что экономический кризис, поразивший страну после Отечественной войны 1812 г., привел к резкому упадку помещичьего хозяйства. Росла задолженность, все большее число помещиков вынуждено было закладывать свои имения, проживая и проматывая проценты по закладным и вновь закладывая имения. Ежегодно за неуплату государственных и частных долгов объявлялись к продаже с публичных торгов десятки тысяч крепостных крестьян. Кстати, с большой долей вероятности можно предположить, что, назначая на покупку крепостных 5 млн. рублей в год, Аракчеев как раз исходил из количества крепостных, ежегодно объявляемых к продаже за долги. Так что вряд ли в первые годы с этим могли бы возникнуть затруднения.

Но в дальнейшем поток неизбежно должен был иссяк-

нуть, а проект не предусматривал никаких мер, которые заставили бы помещиков продавать крестьян. Но и в том фантастическом случае, когда все помещики добровольно решились бы расстаться с крепостными, процесс освобождения растянулся бы не менее, чем на две сотни лет. Совершенно очевидно, что решение крестьянского вопроса в России не могло ожидать такого срока. И Черныяка это было ясно и Аракчееву. На что же он рассчитывал, выдвигая свои предложения? На условия для Александра I постепенность и добровольность реформы крепостной д. равни и, скорее всего, на то, что раз начавшись, реформа обнаружит выгоды для помещиков стороны. А тогда первоначальные черепашьи темпы могли бы смениться иными. Да и вообще время само внесло бы свои изменения.

Но все это лишь предположения. Ведь одобренный царем проект /на это есть неопровержимые свидетельства/ так и остался тайной между Александром I и Аракчеевым. Конкретные обстоятельства отклонения проекта совершенно не известны. Ясно только одно: не было сделано никаких попыток приступить к его реализации.

Работа же над общим проектом освобождения крестьян продолжалась. Только завеса тайны, окружавшая конкретные шаги правительства к разрешению крестьянского вопроса, становилась все более плотной. В 1818-1819 гг. под руководством министра финансов гр. Д.А. Гурьева разрабатывался еще один проект крестьянской реформы. Для этого теперь уже был создан специальный секретный Комитет - первый в ряду подобных комитетов, следовавших один за другим во 2-й четверти XIX в. Окончательный проект так и не был создан, но сохранившиеся материалы показывают, что авторы стремились предложить такие меры, которые привели бы к разрушению общины и созданию в России капиталистического сельского хозяйства фермерского типа. В конце декабря 1819 г. первый набросок плана реформы был готов. Но одобрения императора не последовало, и проект Гурьева так и не был завершен.

Однако Александр I не ограничивался этими поручениями разработать проект ликвидации крепостного права. Источники и, в частности, материалы следствия над декабристами позволяют вскрыть еще некоторые факты, стоящие в том же ряду действий императора.

Одним из них является поручение, данное в 1816 г. через Н.Г.Решнина только что назначенного малороссийским генерал-губернатором /само это назначение современники восприняли как симптом предстоящих реформ/, полтавскому помещику С.М.Кочубею. Он должен был под строгим секретом составить "правила для свободного состояния помещичьих крестьян". Таким образом, в планы царя наряду с прибалтийской входила и реформа в Малороссии. Однако, представленный Кочубеем в конце 1817 г. проект "правил", сохранявший воспрещение крестьянского перехода и право помещика продавать имение вместе с крестьянами, совершено не удовлетворил императора и был отвергнут.

Именно из этой неудачей малороссийского варианта последовало поручение Аракчееву, затем Д.А.Гурьеву и создание специального секретного комитета.

Намерения правительства приступить к практическим шагам в крестьянском деле не могли не волновать основную массу дворянства. Единодушно в своем негативном отношении к любым попыткам затронуть извечное, по его убеждению, право владения крепостными, дворянство великорусских губерний с замиранием сердца и страхом следило за деятельностью правительства.

В мае 1818 г. М.М.Сперанский писал своему приятелю А.А.Столыцину, что мартовская речь Александра I в Варшаве, которую многие помещики поняли как новое свидетельство близящегося освобождения крестьян, произвела в Москве "припадки страха и уныния". Чуть ранее, 8 февраля того же 1818 г. еще до варшавской речи, будущий министр финансов Е.Ф.Канкрин /он займет этот пост в 1823 г. после отставки Гурьева/ писал, посылая Александру I свой проект решения крестьянского вопроса, что почеркнул "новое побуждение"

изложить свои мысли, увидев в Москве, "как вся публика недовольна намерением императора освободить крестьян". Недовольство возникло еще после первых известий об освобождении крестьян в Прибалтике и достигло апогея в конце 1810-х гг., что наглядно отразилось в переписке современников. Но до поры до времени каждая попытка вернуться к проблеме крестьянской реформы встречала заинтересованный отклик императора. Его публичные заявления по-прежнему были направлены к стимулированию дворянской инициативы в этом вопросе и к одобрению любого ее проявления. В связи с крестьянской реформой в Лифляндии в 1819 г., проведенной на тех же основаниях, что и ранее в других прибалтийских губерниях, император заявил: "Радуясь, что лифляндское дворянство оправдало мои ожидания. Ваш пример достоин подражания. Вы действовали в духе времени и поняли, что либеральные начала одни могут служить основой счастья народов".

Вместе с тем в его высказываниях все определеннее становилось нежелание оказывать какое-либо давление на дворянство.

Царящее в придворных кругах, в среде высшей бюрократии и в поместном дворянстве общее отрицательное отношение не к реформам вообще /в необходимости совершенствовать разваливавшееся государственное здание были убеждены даже самые крайние консерваторы/, а к таким преобразованиям, которые могли бы затронуть основы самодержавного строя, оказывало сильное воздействие на Александра I. Он прекрасно понимал, что, как ни велика его власть, никакие реформы нельзя провести, не имея достаточно прочной опоры в своей социальной среде. А такой опоры, в частности, в вопросе освобождения крепостных крестьян, практически не было. Александр к тому же никогда не забывал печального конца своего отца. Идти наперекор воле господствующего сословия могли заставить только чрезвычайные обстоятельства. Одних убеждений, почерпнутых из отвлеченных философских идей века Просвещения, для этого было мало.

Александр I был замкнутым человеком. Он оставался загадкой не только для сторонних наблюдателей, но и для тех, кто на протяжении десятилетий находился с ним рядом. "Сфинкс, не разгаданный до гроба", — сказал о нем П.А.Вяземский. К 1819 г. ход реализации прогрессивных замыслов императора протекал, казалось бы, вполне благополучно: личное освобождение крестьян в Прибалтике, просьба в 1818 г. литовского дворянства о разрешении обсудить в своем собрании условия освобождения крестьян, разработка проектов крестьянской реформы для всей России, успешная работа Н.Н.Новосильцова в Варшаве над русской конституцией /о чем речь в следующей главе/.

Однако поручение Гурьеву оказалось последней, в сущности, инициативой Александра I в решении крестьянского вопроса. Но были ли силы, которые могли бы поддержать правительство в его стремлении к реформам? Были — но в абсолютном меньшинстве. Особенно отчетливо необходимость борьбы с крепостническими настроениями, преобладавшими в русском обществе того времени, понимали декабристы. Члены Союза благоденствия развернули в обществе пропаганду антикрепостнических идей, используя для этого все легальные и нелегальные средства. Члены тайного общества работали в это время над рядом записок по крестьянскому вопросу, которые специально предназначались для подачи царю.

Надо сказать, что стремление содействовать правительству в реформе крепостных отношений находило себе место не только среди декабристов. Круг тех, кто понимал необходимость преобразований был несколько шире. Под впечатлением заявлений Александра I, ободренные примером дворянства западных губерний, о необходимости освобождения крепостных крестьян заговорили некоторые прогрессивно настроенные русские помещики. И не только заговорили, но и сделали первый робкий шаг к практической реализации своих мыслей. Наиболее ясно такая общественная тенденция выразилась весной 1820 г. в попытке создания вольного общества помещиков для выработки условия отмены крепост-

ного права и постепенного освобождения крестьян. Мысль о такой организации впервые возникла в среде, близкой к декабристам, во время встречи С.И.Тургенева с П.А.Вяземским в январе 1820 г. в Варшаве. Вскоре выяснилось, что в Петербурге уже ведется подготовка к созданию подобного общества и что в ней принимают участие довольно крупные фигуры, о необходимости привлечения которых думали Вяземский и Тургенев. Именно Н.И.Тургенев, гр. М.С.Воронцов и кн. А.С.Меншиков, объединив свои усилия, и попытались создать общество помещиков для освобождения крепостных крестьян. Сохранилось три черновика документа, представляющего собой декларацию целей создаваемого общества, на создание которого и спрашивалось согласие императора. Предполагалось, что документ этот будет подписан всеми участниками и затем представлен Александру I.

Дело сперва развивалось очень успешно. После того, как текст документа был одобрен всеми инициаторами, Воронцов, прежде чем пустить его в ход, решил предварительно выяснить отношение Александра I к самой идее создания подобного общества. Император ее одобрил. Подписывать начали и крупные землевладельцы, и известные государственные деятели. Однако, когда бумага была представлена Александру, он заявил, что не видит нужды в создании такого общества. Что же побудило императора так круто изменить свое мнение? Очевидно, что это произошло вследствие почти единодушной отрицательной оценки, которую вызвал в Петербурге слух о подписке в пользу освобождения крепостных крестьян. В подобной ситуации Александр не решился продолжать поддерживать начинание, еще вчера им одобренное.

Однако Александр вряд ли рассматривал свой поступок, как перемену взгляда на крестьянский вопрос. И если для нас, знающих, что за этим последовало, ясно, что это было началом отказа от реформаторских замыслов, то сам император, скорее всего, воспринимал этот эпизод лишь как очередной тактический ход.

Между тем, эпизод этот, вызвавший радость у крепостников и жестокое разочарование прогрессивно мыслящей части общества, показал тщетность надежд на правительство. Заявления Александра I о своей верности идее освобождения, не давая никакого практического результата, рождали все большее недоверие и к нему, и к возможностям людей, его окружающих.

Каков же был итог усилий найти решение крестьянского вопроса к концу 1820 г.? То, что после возвращения из Европы в 1815 г. казалось легко достижимым, теперь, через шесть лет, было так же далеко от осуществления, как и в самом начале. Ничтожные результаты и бесперспективность так бодро и уверенно начатого дела Александру становилось все труднее скрывать от самого себя. Именно с этого времени Александр I все более стал поддаваться апатии, стремиться уйти в сторону от неразрешимых проблем огромной страны, передоверив руководство всеми делами временщику А это, в свою очередь, углубляло уже очевидный разрыв верховной власти с прогрессивными силами страны. Кризис политики, направленной на реформирование крепостных отношений, который назревал по мере того, как одно за другим терпели неудачу предпринимаемые усилия, стал фактом.

Третья глава "Самодержавие и конституция" посвящена истории подготовки первой русской конституции 1820 г.

После окончания военных походов столь же остро, как крестьянский вопрос, перед самодержавием встала задача политических реформ. Приведение политического устройства страны в соответствие с "духом времени" поначалу казалось делом, вполне осуществимым.

Конечно, одной из главных задач было в то время конституционное ограничение самодержавной власти — идея, которая носилась в воздухе послевоенной Европы. И первые результаты вполне обнадеживали. В 1815 г. была установлена конституционная монархия во Франции, конституционное устройство получили некоторые германские княжества, была

подтверждена шведская конституция. Что еще более важно - в 1815 г. была дарована конституция Царству Польскому, вошедшему в состав России после победы над Наполеоном. Все, что вводилось императором в Польше, он рассматривал как опыт введения конституции "сверху", как противовес революционному способу осуществления конституционных замыслов, которые император решительно осуждал. Именно поэтому столь тщательно редактировался текст польской конституции самим императором, желавшим придать ей - а тем самым в будущей русской конституции - черты, обеспечивающие монархии контроль над представительными учреждениями.

На открытии первого польского сейма 15 марта 1818 г. Александр произнес речь, изумившую современников. "Устройство, уже существовавшее в вашем крае, - говорил Александр, обращаясь к членам сейма, а в сущности ко всей стране, - дозволило мне ввести немедленно то, которое я даровал, руководствуясь правилами законно-свободных учреждений, бывших непрестанно предметом моих помышлений, и которых спасительное влияние надеюсь я с помощью Божией распространить и на все страны, Провидением попечению моему вверенные. Таким образом вы мне подали средство явить моему отечеству то, что я уже с давних лет ему приурочиваю и чем оно воспользуется, как только начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости". Русское дворянство с изумлением услышало от царя, что правила "законно-свободных" учреждений были предметом его "непрестанных помышлений" и, больше того, надеется распространить их "спасительное" действие на все подвластные ему народы. Оказывалось, что Александр I "с давних пор приурочивал" России конституцию. Конечно, для ближайшего окружения императора эти мысли царя были отнюдь не новы, но произнесенные гласно не только на всю Россию, но и на весь мир, они приобретали совершенно иное звучание. "Вы призваны, - говорил далее император, обращаясь к полякам, - дать великий пример Европе, устремляющей на вас свои взоры".

Немедленно опубликованная русской печатью и молниеносно разносившаяся по всей России речь Александра I вызвала резкое осуждение и сопротивление крепостников. Близкие ко двору сановники были удивлены и даже шокированы. Почти сразу же возникла мысль о реальности обещаний императора — настолько неожиданны и необычны они были. Среди помещиков речь императора была истолкована как свидетельство близящегося освобождения крестьян. Удивительно, как точно уловили крепостники-помещики взаимозависимость и взаимообусловленность процессов социального и политического освобождения. И хотя Александр I, конечно, не говорил в Варшаве ни слова о перспективах крестьянской реформы, но слух именно об этом сейчас же пронесся по России. Важно отметить, что ни в среде влиятельных помещиков, ни в среде высшей бюрократии и аристократии никто не выразил одобрения замыслам императора, ни в ком он не нашел явной поддержки.

Менее, чем через год после варшавской речи, обещание императора, казалось, стало приобретать реальные очертания — началась работа над проектом русской конституции. Правда, опасения сопротивления со стороны дворянства были настолько велики, что работа велась в строжайшей тайне и даже не в Петербурге, а в Варшаве — подальше от любопытных глаз. Конституция создавалась под руководством крупного государственного деятеля того времени, будущего председателя Государственного совета и Комитета министров, а тогда "императорского комиссара" при польском правительстве Н.Н.Новосильцова. С именем Новосильцова, как одного из активных участников Негласного комитета, связаны самые первые конституционные проекты "дней Александровых прекрасного начала".

Непосредственным автором конституционного проекта был содейвавший при Новосильцове француз П.И.Дешар-Дешан, про которого современники говорили, что "набил себе руку во Франции на приготовлении и редакции" подобных сочинений. Причастным к этой работе был и П.А.Вяземский, служив-

ний тогда в канцелярии Новосильцова в Варшаве. Хотя его функции были ограничены только переводами текстом, но письма и воспоминания такого осведомленного участника событий являются одним из важнейших источников, раскрывающих их "тайную кухню".

Основные положения разрабатываемого проекта император лично одобрил во время своего пребывания в Варшаве в октябре 1819 г. Активное участие Александра в подготовке будущих политических преобразований этим не ограничилось. Возвратившись в Петербург, он попытался провести в жизнь практический эксперимент с разделением России на наместничества, каждое из которых так же, как и вся Россия в целом, имело бы представительные учреждения. В ноябре 1819 г. А.Д.Балашев был назначен генерал-губернатором пяти губерний с обещанием впоследствии "специальной инструкцией" определить его функции.

Как ни старались держать работу над конституцией в тайне, сведения о ней просочились в европейскую печать. 21 ноября 1819 г. в парижской газете Бенжамена Константа появилась заметка о близящемся введении конституции в России, где, на основании письма из Варшавы, кратко излагалось ее содержание. На самом деле в то время работа над конституцией не была еще завершена и находилась в полном разгаре. Конституционный проект полностью был готов, видимо, только летом 1820 г.

Что же представляла собой русская конституция 1820 г. — первая конституция за всю многовековую историю России, получившая название "Уставная грамота Российской империи"? Даже самое общее знакомство с ней убеждает, что, будь ли осуществленной, она без сомнения оказалась бы одной из самых консервативных конституций своего времени. Достаточно сказать, что основополагающий принцип всех европейских конституций — суверенитет народа, то есть признания его источником государственной власти, был заменен в проекте суверенитетом императорской власти. В ст. 13 говорилось прямо и недвусмысленно: "Государь

есть единственный источник всех власти гражданских, политических, законодательных и военных".

Тем не менее это была настоящая конституция. В ней провозглашалось создание принципиально нового для России, буржуазного по своей сути органа - двухпалатного парламента, без рассмотрения и одобрения которого монарх не мог бы издать ни одного закона. Первую палату должен был составлять Сенат, вторую, низшую - "земские послы и депутаты окружных городских обществ". В компетенцию парламента входила такая важная функция как утверждение бюджета.

Законодательная инициатива принадлежала исключительно императору, он же объявлялся главой исполнительной власти /"государь есть верховная глава общего управления империи"/. Специальная глава конституционного проекта была посвящена провозглашению гражданских свобод, даруемых гражданам Российской империи. Объявлялась свобода слова, вероисповеданий /правда, оговаривалось, что православная религия остается господствующей, а политическое и гражданское равноправие предусмотрено только для христиан/, равенство всех перед законом, неприкосновенность личности, свобода печати, наконец, особая статья обосновывала право частной собственности. Хотя о крепостном праве в проекте не было сказано ни слова, само собой подразумевалось, что крепостные крестьяне не входят в число граждан. Существенным новшеством было предусмотренное конституцией федеративное устройство страны, которая делилась на так называемые "наместничества", где также создавались двухпалатные парламента. Назначаемый царем наместник вместе с парламентом осуществляли всю полноту власти в "наместничестве".

Таким образом, буржуазный характер "Уставной грамоты" 18 г. несомненен, как, впрочем, и ее ярко выраженный патримониальный характер. Парламент мог отвергнуть предложенный императором закон, но в то же время он был не в силах принять его против воли монарха. За импера-

тором, кроме всей подноты исполнительной власти, сохранялось право решать практически все дела в государстве. Право монарха на помилование или на вмешательство в выборы депутатов в парламент на практике означало нарушение торжественно провозглашенного в проекте конституции разделения властей. Ограничивая все же самодержавный произвол, вводя его в определенные законные рамки, проект конституции 1820 г. сохранял доминирующее положение самодержавия во всех областях государственной жизни.

Итак, конституция была готова, в мае 1820 г. отослана императору, а во время его нового приезда в Варшаву осенью 1820 г. окончательно отредактирована. Более того, были уже составлены проекты манифестов, которые были призваны возвестить "любезным и верным подданным" императора о даровании им конституции и об одновременном уничтожении за ненадобностью конституции 1815 г. Царства Польского. Однако ничего подобного не произошло. Ни манифесты, ни сама русская конституция 1820 г. так никогда и не были обнародованы. Что же произошло?

Беседуя в Петербурге с П.А.Вяземским летом 1820 г., император одобрил деятельность Негосильцова и его сотрудников, подтвердил, что "надеется привести непременно это дело к желаемому окончанию" и уверил, что препятствует этому пока лишь недостаток в необходимых деньгах. Хотя не было сказано ни слова об отказе от конституционных планов, но в словах Александра прозвучала тревога по поводу ожидаемого им сопротивления.

Так пытался объяснить свою медлительность и свои колебания сам император. Выяснению же истинных причин краха и этих преобразований посвящена следующая глава.

В четвертой главе "Крушение реформаторских замыслов. Правительственной реакция" исследуется совокупность обстоятельств, определивших собою бесславный конец всех планов преобразований, разрабатывавшихся Александром I.

Крестьянская реформа в Прибалтике и польская конституция, проекты крестьянской реформы и конституции для

России — все это было реальностью русской жизни в десятилетие, прошедшее от завершения наполеоновских войн до восстания декабристов.

Но ближе и очевиднее была другая реальность, в которой даже самый ревностный почитатель Александра I не смог бы отыскать и малейший намек на воплощение в жизнь проектов крупнейших преобразований — практические действия верховной власти.

Время летело, один год сменял другой, а реформаторские замыслы и внутренняя политика правительства оставались как бы двумя параллельными линиями, которым так и не суждено было соединиться даже в самой отдаленной точке. В этом смысле все александровское царствование /за редкими исключениями, какими были, например, указ о вольных хлебопашцах 1803 г. или личное освобождение крестьян в Прибалтике в 1816—1819 гг./ предстает удивительно цельным. Ведь даже такие значительные административные реформы первого десятилетия XIX в., как создание министерств или учреждение Государственного совета, ни в коей мере не затрагивали основ существующего строя, став на деле лишь косметическим ремонтом "безобразного здания" самодержавной и крепостнической России.

Теоретический либерализм Александра I, проявлявшийся в единичных актах, личных "послаблениях" императора и создававший ему определенную репутацию, никоим образом не затрагивал основ строя. В этих условиях меры, задуманные с самыми прогрессивными намерениями, на деле не раз оборачивались торжеством реакции. Эта закономерность легко прослеживается на разных направлениях правительственной политики. Ее наглядно подтверждает эволюция Священного Союза от либеральных настроений в первые годы его существования к реакционному характеру Секретного протокола, подписанного в 1818 г. на Ахенском конгрессе и открытому провозглашению политики интервенционизма. Столь же очевидна эволюция политики верховной власти в области культуры и просвещения — от либеральных мер первых лет царст-

воления Александра к реакции в этой области, перешедшей в открытое наступление в 1819-1820 гг.

Однако наиболее выразительным воплощением в жизнь этого странного симбиоза реформаторских замыслов и глубоко консервативной практической внутренней политики явилось введение военных поселений и жестокое подавление крестьянского протеста.

К реорганизации армии самодержавие толкнули объективные причины. Отжившая рекрутская система заменялась в европейских армиях всеобщей воинской повинностью. Но в России этому препятствовало крепостное право. И избранный Александром I способ военной реформы вполне сочетался в его отвлеченном от действительности мышлении с путями будущего решения крестьянского вопроса. Ведь одним ударом уничтожалась рекрутчина и, вместе с тем, помещичьи крестьяне, став военными поселенцами, освобождались от крепостной зависимости.

Шаг за шагом выяснилась все очевиднее сложность и безнадежность позиции Александра I. К 1821 году, как свидетельствует запись в дневнике М.М.Сперанского, к императору приходит понимание невозможности приступить к реформам. Остается лишь желать продолжать "иметь вид, что ими занимаются".

Но если не решаться на реформы, значит надо укреплять и поддерживать существующий порядок. Иного не было дано. Поэтому и в крестьянском вопросе и в управлении страной наступает неизбежный поворот к реакции.

В 1822 г. Александр I издал закон, резко расширявший границы прав помещиков - давший им право ссылать крестьян в Сибирь без судебного приговора. Шаг этот, по своему крепостническому содержанию превзошел крестьянское законодательство Екатерины II, до сих пор считающееся апогеем крепостничества.

В сфере управления страной, той области, где совсем недавно предполагалось конституционное ограничение абсолютизма, поворот к реакции принял совершенно неожиданную

форму фаворитизма, явления, казалось бы давно отошедшего в прошлое. Реальная государственная власть от самодержавия перешла в руки всеильного временщика А.А. Дракчеева.

Для самого Александра I отказ от замыслов реформ означал крах всего того, в чем он с юности видел свое высокое предназначение. Рухнувшие иллюзии привели его к уходу в мистицизм, к желанию отстраниться от власти и сопряженной с ней ответственности.

Другой стороной происходившего стало глубокое разочарование передовой части общества в надеждах на преобразования "сверху". На ставший очевидным поворот верховной власти к реакции авангард общества, декабристы, ответили переходом к программе военной революции.

В отличие от проектов реформ, вынашивавшихся в недрах верховной власти, задачей которых была не коренная ломка системы, а лишь устранение того, что слишком резко противоречило в ней требованиям меняющейся современности, декабристские проекты несли в себе революционную ликвидацию самодержавия и крепостного права. Реализация их открывала бы широкую дорогу буржуазному развитию страны.

Судьба этих проектов известна. Поражение восстания 14 декабря на Сенатской площади стало последним аккордом безуспешных попыток и власти, и общества повернуть ход российской истории.

В заключении подведены итоги исследования и сформулированы основные выводы, к которым пришел автор.

В начале XIX в. Россия вступила в новый этап своей истории. Перед верховной властью и перед обществом реально встал вопрос о правомерности существования неограниченного самодержавия и крепостного права. И, что примечательно, встал не как отвлеченная проблема /об этом много рассуждали и раньше/, а как насущная потребность русской жизни 1810-1820-х годов. Возникло сознание необходимости и неизбежности коренных преобразований.

Естественно, что самодержавие и передовая часть общества пытались идти к переменам разными путями. Прави-

тельство — единственно допускаемым им путем реформ, общество — сперва давлением на правительство, поддержкой, подталкиванием его реформаторских устремлений, потом революционной борьбой. Ни та, ни другая попытка, как мы хорошо знаем, не увенчалась успехом. Победа осталась пока за старым строем.

Отказавшись от реформ, Александр I стал искать выход в укреплении основ существующей системы, и с 1822-1823 гг. правительство перешло к откровенной реакции. Но, конечно, кризис не разрешился и не мог быть разрешен этим, он только был загнан внутрь, чтобы через несколько десятилетий проявиться с новой силой.

Что же стояло на пути столь необходимых стране преобразований, что помешало осуществиться той альтернативе, реальность которой подтверждает, надеемся, проведенное исследование? Почему в России уже в начале XIX в. не было отменено крепостное право и не ограничен законодательно или вовсе уничтожен самодержавный произвол? Как совместить объективную слабость сил, выступавших за буржуазные преобразования, с распространенным в нашей историографии представлением, что начавшееся в последней трети XVIII в. разложение феодально-крепостнической системы к 30-40-м годам XIX в. переросло в ее кризис? Если традиционные представления верны, то как объяснить, что даже накануне реформы 1861 г. большинство дворян совершенно не сочувствовало ее идее? Может быть, наши представления о существовании этого кризиса, его составных частях нуждаются в пересмотре?

Характеризуя помещичьи настроения 1800-1840-х годов Н.М.Дружбин писал: "Передовые помещики, понимавшие необходимость отмены крепостного права, составляли сравнительно небольшую группу, подавляющее большинство дворян состояло из убежденных крепостников, которые приехали к использованию дарового труда, тратили больше, чем получали, и старались поправить пошатнувшееся состояние денежными ссудами под залог своих крепостных душ". С совершен-

ной очевидностью подобная позиция проявилась при создании и в ходе деятельности губернских комитетов — выборных дворянских органов, которые должны были обсудить условия крестьянской реформы. П.А.Зайончковский справедливо указывал, что ходатайства об открытии подобных комитетов "отнюдь не означали положительного отношения большинства дворянства не только к отмене, но и к смягчению крепостного права".

Тут обнаруживается противоречие между реальным положением, исследованным авторитетными историками, и его трактовкой в обобщающих исследованиях. С одной стороны, кризис феодально-крепостнической системы, с другой — открытое нежелание помещиков освободить крепостных, слабость развития капитализма в промышленности и особенно в деревне. Такое положение можно отчасти объяснить тем, что в нашей исторической науке при изучении этого кризиса социально-экономические процессы часто отрываются от политической истории. Здесь широкий простор для новых исследований, которые смогут прояснить ситуацию и ответить на многие вопросы.

Теперь же коснемся только одной стороны проблемы. Чем больше вдумываешься в историю падения крепостного права в России, чем больше анализируешь события предреформенных десятилетий, тем яснее представляются принципиальные отличия пути капиталистического развития, пройденного большинством европейских стран, от того, что происходило в России в дореформенный период.

Классическая схема победы и утверждения капитализма на Западе известна: сперва зарождение в недрах феодального строя капиталистических отношений, их постепенное и медленное развитие. Затем, с течением времени, доля вольнонаемного труда как в промышленности, так и в сельском хозяйстве все увеличивалась, мощно заявляло о себе третье сословие, требуя признания своих политических прав, формировались новые классы общества. Капиталистическому укладу было уже тесно в старых, феодальных рамках, они явно ско-

вывали развитие производства, меш и двигаться вперед. Уже не отдельные хозяева, а значительные группы населения вели хозяйство по новому. В сломе старых взаимоотношений стали заинтересованы широкие слои населения. Росло и укреплялось убеждение, что существующая политическая система не дает простора для движения вперед. Назревал, а затем и совершался социальный переворот, который был призван утвердить победу капитализма и расчистить путь для дальнейшего развития.

Начего подобного не было в России вплоть до реформы 1861 г. В сельском хозяйстве первой половины XIX в. нельзя найти хоть сколько-нибудь значительного количества помещиков, обрабатывающих землю вольнонаемным трудом. Чрезвычайно мало было и крестьян, ведущих хозяйство на капиталистический лад. Это можно объяснить и тем, что развитие капитализма сдерживалось самим существованием крепостного права. Конечно, это так. Но ведь правда и то, что помещики, получив по указу 1803 г. право освобождать крестьян с землей, вовсе не бросились переделывать свои хозяйства на капиталистический лад. Не это ли лучшее доказательство все еще сохранявшейся жизнеспособности крепостнического хозяйства, отсутствия сколько-нибудь определенно выраженных потребностей в использовании свободной рабочей силы? Ведь там, где условия в какой-то степени созрели, например, в Прибалтике, помещики сами выступали инициаторами уничтожения крепостного права и крестьяне были освобождены /пусть плохо и непослабовательно/ самодержавием.

Означает ли это, что крепостничество не тормозило развитие страны? Отнюдь нет. Крепостное право уродовало ее, превращало в бессловесных рабов ее жителей. Но все-таки возьмем на себя смелость утверждать, что если бы не особая политическая ситуация 1850-х годов, то крепостное право могло бы просуществовать еще несколько десятилетий.

С одним словом, главной причиной, не позволившей осво-

бодить крестьян и попытаться изменить политический строй уже в начале XIX в., оказалось сопротивление подавляющей части дворянства. Александр I, попробовавший встать на путь реформ, вынужден был под напором мощной косной силы повернуть вспять. Да и в поражении декабристов отсутствие поддержки собственного класса сыграло решающую роль. Именно широкой поддержки дворянства им как раз и не хватило. Впрочем, если бы такая поддечка была, вероятно, и не нужно было бы выходить на площадь.

Чем же объяснить тогда, что самодержавию в 1861 г. удалось сделать то, что оказалось невозможным для него в 1820-х годах? Ведь и в середине XIX в. основная масса дворян была против реформ. Прежде всего, несколько десятилетий развития — это немалый срок. За это время набрали силу многие не видимые невооруженному глазу подопудные процессы. Но главное, на рубеже 1850-1860-х годов самодержавие силой обстоятельств вынуждено было пойти на насилие над своей собственной опорой.

В начале века Александр I не мог даже представить себе ничего подобного. Самодержавный монарх, располагавший неограниченной властью, решительно исключал самую мысль о возможности давления на дворянство, настаивал, чтобы в основание любого проекта отмены крепостного права был положен принцип добровольности. И, признав невозможность его соблюдения, верховная власть отказалась от реформ вообще.

И все-таки альтернатива в 1820-х годах существовала. Вправе ли мы снять историческую ответственность с самодержавия, сознававшего насущную необходимость реформ, их значение для будущего страны и пожертвовавшего этим будущим? Неужели нужна национальная катастрофа, чтобы деспотический режим мог от сознания перейти к действиям? Не в этом ли одно из наиболее наглядных проявлений исторической обреченности самодержавия?

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., "Наука", 1989, 19,1 п.л.
2. Страницы тайной истории самодержавия. М., "Мысль", 1990, 15,4 п.л.
3. Как Россия в начале XIX в. чуть не стала конституционной монархией. // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерк истории России IX - начала XX в. М., "Политиздат", 1991, 2 п.л.
4. Igor N. Kiselev, Sergei V. Mironenko. "Russia's Bureaucratic Ruling Elite". Towards a Social Portrait of Russia's Higher bureaucracy During the First Quarter of the 19th Century // Historical Social Research (The official Journal of QUANTUM and INTERQUANT. Vol. 16. 1991. No 2. P. 144-154.

Подписано в печать 198 г.
Заказ № 100 Тираж 120 экз.

Участок оперативной полиграфии
Института истории СССР АН СССР
Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.

1100710

AB 25.414

23
|

23